

УДК 94(5–191.2):28

**ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ХАДЖА МУСУЛЬМАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

В.П. Литвинов

Анализируется нормативно-правовая база паломничества в Российской империи на примере Туркестанского края.

Ключевые слова: паломничество; государственно-правовой акт; мусульмане; Туркестан; царские власти.

**HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE CENTRAL ASIA MOSLEMS HAJJ
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**

V.P. Litvinov

It is analyzed the Russian Empire regulatory basis of pilgrimage on the example of Turkestan region.

Keywords: pilgrimage; statutory and regulatory act; Moslems; Turkestan; tsarist authorities.

Когда речь заходит о Туркестанском крае, то для профессиональных историков региона нет необходимости в обозначении хронологических рамок его существования, поскольку оно отсчитывается от образования в феврале 1865 г. Туркестанской области, включающей пространства от Аральского моря на западе до озера Иссык-Куль на востоке¹, а заканчивается падением царизма в феврале 1917 г.

Как известно, хадж – паломничество в Мекку относится к пяти важнейшим канонам мусульманской веры. И всегда приверженцы религии Пророка в России имели все возможности совершить путешествие в Аравию для поклонения Каабе – величайшей святыне исламского мира. Это им не запрещалось ни одним правовым документом царской власти – ни “Соборным уложением” 1649 г., ни “Основными законами”, ни любым другим нормативным актом. А как известно, что не запрещено законом, то разрешено. Более того, статья 44-я “Основных законов” гласила: “Все не принадлежащие к господствующей (православной – В.Л.) Церкви подданные Российского государства, природные (а) и в подданство принятые (б), также иностранцы, состоящие в российской службе, или временно в России пребывающие (в), получают каждый повсеместно *свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной*”². (Курс. наш – В.Л.) Таким образом, право на хадж подтверждалось государством.

Безусловно, царизм проявлял интерес к жизнедеятельности своих мусульманских подданных и исламских религиозных учреждений. Об этом есть специальная историческая литература, к сожалению, не столь значительная, как того бы хотелось³. Фактически все авторы сходились во мнении, что царские власти относились весьма толерантно к исламу и его адептам в России. Так же считала и зарубежная историография XIX–XX вв.⁴ Но ни российские, ни иностранные ученые не изучали проблему хаджа в Туркестане специальным образом, упоминая о ней лишь между прочим. Автор рассмотрел эту проблему в монографии, в которой он, кроме хаджа мусульман региона в Мекку, писал также и о зиярате (паломничестве) шиитов к своим святыням в Неджефе, Кербеле, Куме и др.⁵ Таким образом, появилась первая исследовательская рефлексия на тему хаджа мусульман Туркестана в Мекку в период его управления царскими властями. Естественно, что в ней затрагивались и вопросы государственно-правового регулирования хаджа в регионе. Вместе с тем некоторые стороны проблемы не нашли должного отражения, в частности, отношение царизма к хаджу мусульман Туркестана до присоединения Центральной Азии к России в 1860-х гг. И мы намерены осветить также этот аспект рассматриваемого здесь вопроса.

Следует отметить, что первый государственно-правовой акт, регулировавший паломничество

в Мекку, касался не мусульман-российских подданных, а именно *туркестанских*, хотя до присоединения Центральной Азии оставалось еще более чем полвека. Им “стал “именной” царский указ от 23 марта 1803 г., который император Александр I направил Оренбургскому военному губернатору, генерал-майору Н.Н. Бахметьеву и в котором предписывал не чинить никаких препятствий “бухарцам”, намеревающимся “ехать в Мекку на поклонение по их закону”⁶. На основании этого закона, мусульмане Туркестана, поданные трех среднеазиатских ханств – Бухарского, Хивинского и Кокандского, стали свободно совершать хадж в Мекку через территорию России. Нам приходилось писать о традиционных путях хаджа мусульман Туркестана и признать то, что все из них были и сложными, и опасными, и долговременными.⁷ А через Россию путь в Мекку был и более безопасным, и менее длительным. Понятно, что туркестанские мусульмане охотно пользовались “русским” путем в Хиджаз, и год от года число “транзитных” мусульманских паломников нарастало. Однако со временем это стало тревожить царские власти. Во-первых, Турция в 1814 г. вернула под свой контроль Мекку, находившуюся во второй половине XVIII – начале XIX в руках аравийских ваххабитов, после чего паломники из Туркестана, прибывавшие в “святой город” через Россию, стали подвергаться исламистской и антирусской, антихристианской проработке. Во-вторых, в Хиджазе во время хаджа скапливались огромные массы народа, в связи с чем здесь нередко вспыхивали очаги эпидемических заболеваний, которые позже разносились паломниками во все стороны света, не исключая, понятно, и Российскую империю. Эти две опасности побудили царскую власть принять 15 марта 1832 г. закон, в котором говорилось “о воспрещении... всем вообще заграничным азиатцам, проходить через Россию в Константинополь, для следования оттуда в Мекку на поклонение”. Закон подчеркивал: “Сверх сего воспрещение то отнести еще к мерам осторожности, принятым в России от занесения заразительных болезней”.⁸ Таким образом, закон, казалось бы, закрыл “русский” путь в Мекку и Медину для паломников из среднеазиатских ханств. Однако они быстро нашли выход и стали пробираться в Хиджаз через российскую Астрахань. Это было учтено царским Азиатским комитетом и к концу 1834 г. он разработал новое “положение”, утвержденное Николаем I 5 декабря того же года⁹. Закон предписывал Астраханскому военному губернатору, генерал-майору Тимирязеву запретить прохождение туркестанских паломников через вверенные ему пределы. Через некоторое время запретительные меры для туркестанских паломников были

подтверждены так называемым “законом о дервишах”¹⁰.

Присоединение Центральной Азии к России в 1860-х гг. фактически аннулировало действие вышеуказанных нормативно-правовых актов, поскольку они стали российскими подданными и, следовательно, получили право свободного перемещения по территории метрополии. Наиболее состоятельные мусульмане региона быстро возобновили использование “русского” пути хаджа, который стал еще более быстрым, так как в России шло форсированное железнодорожное строительство. В 1880-х гг. была построена дорогостоящая, но стратегически важная Закаспийская военная железная дорога, которая также была быстро “освоена” паломниками, в том числе и кавказскими шиитами, сократившими время зиярата в Мешхед, Кум, Кербелу и Неджеф. Однако основная масса мусульман Туркестана не могла позволить себе использование дорогостоящего “русского” пути и избирала для хаджа в Мекку и Медину традиционные направления, о которых мы упоминали выше. Таким образом, перед царскими властями Туркестана стояли, прежде всего, задачи регулирования хаджа местных мусульман именно на его традиционных путях. Но первые администраторы Туркестанской области, образованной в феврале 1865 г., генерал-майоры М.Г. Черняев и Д. Романовский никак не решали эти задачи: один – по причине религиозного либерализма, другой – по незнанию специфики местного мусульманства. Только с образованием летом 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства (края) с центром в Ташкенте и назначением его “Главным начальником” опытного администратора, генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана власти стали проявлять интерес и к проблеме регулирования хаджа.

Осветить эту проблему должным образом, на наш взгляд, нельзя без учета “тонкостей” работы государственного механизма царской России. Дело в том, что всеми сторонами жизнедеятельности неправославных конфессий в стране (в том числе, разумеется, и исламской) руководило Министерство внутренних дел в лице своего Департамента духовных дел иностранных исповеданий (далее: ДДДИИ МВД – *В.Л.*). Департамент издавал соответствующие циркуляры, которые часто подписывал сам министр внутренних дел. И повсеместно они должны были исполняться. Но “тонкость” заключалась в том, что, по “Общему Учреждению Губернскому”, на территориях, подведомственных военному министерству, правами министра внутренних дел в полном объеме пользовался сам военный министр и без его распоряжения циркуляры ДДДИИ (а равно и все прочие распоряжения МВД)

на этих территориях не имели силы. А Туркестанский край находился в ведении военного министра. Понятно, что последний не мог сам исполнять повсеместно функции “полицейского” министра и потому он делегировал их своим “наместникам”, в частности, туркестанскому генерал-губернатору, что, кстати, закреплялось законодательно в нормативно-правовых актах по управлению краем¹¹. Однако ни в одном из этих документов не упоминалось о каком-либо регулировании религиозной жизни мусульман Туркестанского края, в том числе, понятно, и хаджа в Мекку. Другая “тонкость” заключалась в том, что, несмотря на наличие у военного министра прав министра внутренних дел, само военное министерство было ограничено в конфессиональном правотворчестве и могло принимать лишь подзаконные акты, действующие на подвластных ему территориях. Поэтому его власти вынуждены были руководствоваться “высочайше” утвержденным “Уставом духовных дел иностранных исповеданий” 1857 г., циркулярами ДДДИИ МВД, Медицинского департамента МВД и др. Однако это обстоятельство не следует преувеличивать – военные власти имели широкий простор для самостоятельных их интерпретаций, адекватных конфессиональной специфике края.

Первый туркестанский генерал-губернатор Кауфман фактически изначально установил традицию решать все исламские дела в крае самостоятельно, без оглядки на циркуляры ДДДИИ МВД. Естественно, что это напрямую касалось и хаджа мусульман. Основными регулирующими нормативно-правовыми актами в этой сфере были приказы, циркулярные распоряжения, указания и т. п. генерал-губернатора, публиковавшиеся (если они не носили секретного характера) в разделе “Официальная часть” краевой газеты “Туркестанские ведомости”. Одной из первых важных мер генерал-губернатора Кауфмана в сфере регулирования хаджа было введение так называемых “открытых листов” для лиц, желающих отправиться в Мекку и Медину. Бланки таких листов печатались типографским способом на бумаге лучшего качества с соответствующими пробелами для заполнения их чиновниками¹². “Открытые листы” явились своего рода паломническими паспортами мусульман Туркестана, причем не только суннитов, но и относительно немногочисленных шиитов. Несмотря на то, что выдача таких “паспортов” была фактически бесплатной (уплачивался только “гербовой сбор”), мусульмане приобретали их редко, поскольку в них срабатывала инерция прежних времен, когда они могли направляться в хадж без чье-либо разрешения и без каких-либо документов. Попытки российской администрации Туркестана разъяснить

им, что “открытые листы” будут защищать их по дороге в Мекку перед властями Османской империи не имели особого успеха, так как и без них среднеазиатские мусульмане некогда не без труда, но все же проходили по турецкой территории. Слабая выборка паломнических “паспортов” в рассматриваемый период объяснялась также тем, что, как свидетельствовал большой знаток Туркестана В.П. Наливкин, в ханские времена и в начальный период российского управления регионом хадж совершали очень немногие мусульмане¹³.

Сложившаяся ситуация, однако, не обескуражила Кауфмана. По его распоряжению, Канцелярия туркестанского генерал-губернаторства (далее КТГГ – В.Л.) разработала проект “Временных правил о выдаче заграничных паспортов в Туркестанском крае”, который Кауфман направил в 1871 г. военному министру Д.А. Милютину. Проект предусматривал введение трех категорий заграничных паспортов: А, Б и В. По первой категории заграничного паспорта должны были выдаваться на 6 месяцев и только для посещения “сопредельных” ханств – Бухарского и Хивинского. Таким образом, к хаджу имели отношение только заграничные паспорта категории “Б” и “В”. Для непосредственно туркестанских мусульман-подданных России устанавливались паспорта категории “Б”, выдававшиеся на разные сроки: от 6 месяцев до трех лет. Цены на такие паспорта устанавливались относительно невысокие – от 85 коп. за полугодовой экземпляр до 4 руб. 35 коп. – за трехлетний. Любопытно, что, согласно “Временным правилам”, заграничные паспорта должны были выдаваться только в областных центрах (на то время – двух), но не в областных правлениях, а в местных уездных казначействах. Было бы ошибочным полагать, что любой мусульманин мог прийти и запросто купить себе заграничный паспорт для хаджа. “Временные правила” устанавливали те принципы хаджа, которые были адекватны шариатским установлениям о нем, а именно: необходимо было предоставить местному уездному начальнику такие документы, как: “а) удостоверение от местных туземных властей, что никаких недоимок за ним (паломником – В.Л.) не числится, под судом и следствием не состоит и неприкосновенен к оным, частных претензий на него в виду не имеется”¹⁴. Но КТГГ присовокупила к этому явно не шариатский принцип: требование в пункте “б” поручительства “трех благонадежных лиц”. При обсуждении проекта “Временных правил” Кауфмана на это обратил внимание министр внутренних дел А.Е. Тимашев. Но тот пояснил, что российское консульство в Константинополе¹⁵ (Стамбуле – В.Л.) жалуется на то, что ему приходится помогать деньгами на обратную дорогу многим тур-

кестанским паломникам, а потому введение пункта о “благонадежных” поручителях должно означать, что именно им придется расплачиваться за таких людей. Понятно, что такую позицию туркестанских властей в правительстве охотно поддержал министр иностранных дел (и лицейский друг А.С. Пушкина), князь А.М. Горчаков. Возникли проблемы в правительстве и с паломническими паспортами категории “В”, которые предполагалось выдавать мусульманам Туркестана – иностранным подданным (афганским, персидским, китайским – из Кашгарии, турецким и проч.). Кауфман предлагал выдавать их только тем зарубежным мусульманам, на которых он, после предварительного “сношения” с властями сопредельных стран, получал от них свидетельства в благонадежности и платежеспособности таких лиц. Хотя Кауфман, по так называемой “Золотой грамоте”, врученной ему императором Александром II на управление Туркестаном, имел полномочия на контакты с властями сопредельных зарубежных стран. Такая постановка вопроса не понравилась российскому МИДу. Выступил против нее и министр внутренних дел. В сентябре 1871 г. А.Е. Тимашев писал туркестанскому генерал-губернатору, что статья 436-я имперского “Устава о паспортах” разрешает всем иностранцам получать в России паспорта сроком на один год в любом месте страны и пользоваться ими по своему усмотрению, в том числе и для совершения в течение этого срока хаджа в Мекку¹⁶. Однако, несмотря на все вышеизложенное, “Временные правила” Кауфмана получили поддержку большинства членов правительства.

Издержки этих “правил” не замедлили сказаться фактически сразу. Во-первых, не срабатывал пункт о “поручителях”, поскольку желающим совершить хадж было трудно найти “благонадежных” поручителей, причем трех. И это было естественным, так как трудно было ручаться за человека, отправляющегося за три-девять земель с неизвестным результатом, чтобы потом оплачивать его долги, которые он мог наделать за время отсутствия. Во-вторых, мусульмане-иностранцы направлялись в центральные губернии России, где выпрашивали себе паспорта. Это было им удобнее, поскольку они все равно совершали хадж через российские территории. В результате многие желающие совершить хадж, но не нашедшие трех благонадежных (читай: богатых) поручителей, вынуждены были отправляться в Мекку “по старинке” – без всяких документов. Такой “тайный” хадж был многочисленным и продолжался долго, вплоть до укрепления советской власти и границ СССР в Туркестане. МВД постоянно будировало военное министерство, чтобы оно как-то навело порядок

в этом вопросе. Это продолжалось почти три десятилетия, пока туркестанский генерал-губернатор Н.А. Иванов не издал 23 января 1901 г. новый нормативно-правовой акт по регулированию хаджа – приказ по “военно-народному управлению” о новых “Правилах для паломников-мусульман”. Они в значительной мере упорядочили решение бюрократических проблем хаджа, но не сняли их остроты в той части, на которую мы указывали выше. “Тайный хадж” продолжал процветать, привнося в Россию эпидемическую опасность, поскольку нелегальные паломники, не имеющие официальных документов, не могли проходить через установленные в пограничных районах и портах карантинные пункты, о чем нам приходилось подробно писать ранее¹⁷.

Министерство внутренних дел, регулировавшее хадж мусульман России, не могло влиять на паломничество их единоверцев в Туркестане по причинам, отмечавшимся нами выше. Понятно, что МВД это никак не могло устраивать. Министр внутренних дел Д.С. Сипягин (1899–1902) критически отнесся к “правилам” туркестанского генерал-губернатора Иванова и требовал приступить к разработке общегосударственного нормативно-правового акта о регулировании хаджа в Мекку и Медину. При нем в МВД был разработан первый проект такого акта, содержавший 23 статьи, причем весьма жестких. Но 2 апреля 1902 г. он был убит боевиком-эсером. Тем не менее, “эстафетную палочку” энергично принял новый глава МВД В.К. Плеве (кстати, тоже убитый эсерами 15 июля 1904 г.). Ему удалось добиться разработки и “высочайшего” утверждения общеимперского государственного правового акта о регулировании хаджа – “Временных правил для паломников- мусульман” от 8 июня 1903 г.¹⁸ Однако из 10 статей проекта МВД, представленного на обсуждение в Государственный совет, члены последнего (не без “стараний” военного министерства) удалили 3, оставив всего лишь 7, которые и были утверждены императором Николаем II.

Некоторые историки, малосведущие в истории российского права, склонны считать “Временные правила” от 8 июня 1903 г. самостоятельным нормативно-правовым актом. Однако это не так. Они выступали всего лишь как приложение к 187-й статье общеимперского “Устава о паспортах”¹⁹. Вопреки предложениям МВД, они не содержали обязательного требования совершать хадж каким-либо установленным властью путем. Упоминание в “правилах” о “сухопутной границе” было явной уступкой военному министерству, поскольку многие паломники из подчиненного ему Туркестанского края предпочитали уходить в хадж по традици-

онным (читай: сухопутным) путям. На наш взгляд, главным содержанием этого государственно-правового акта было ужесточение требований по соблюдению норм санитарно-гигиенического контроля при возвращении из хаджа – обязательность прохождения через официальные карантинные пункты с тем, чтобы пресечь проникновение на территорию России разных эпидемий. Это подтверждается тем, что именно этой проблеме был посвящен последний государственно-правовой акт царизма по регулированию хаджа – “Правила перевозки на судах паломников-мусульман, направляющихся из черноморских портов в Хиджаз и обратно”, утвержденный царем Николаем II 12 мая 1909 г.²⁰ Этот акт был принят по настойчивым требованиям МВД, возглавляемого тогда могущественным временщиком – П.А. Столыпиным, являвшимся также и премьер-министром (вернее, Председателем Совета министров). Нетрудно заметить, что он касался только тех мусульман Туркестана, которые совершали хадж через российскую территорию и ее морские порты. Но на паломников, отправлявшихся в хадж “посуху” из Туркестана в Мекку и Медину, он никак не мог влиять, не упоминая о сухопутных карантинных пунктах на границе, которые они должны были проходить, но по “Правилам” от 8 июня 1903 г.

На основании вышеизложенного можно прийти к выводу, что царские власти не забывали о проблеме нормативно-правового регулирования хаджа мусульман Туркестана, однако, и не уделяли ей столь повышенного внимания, которое могло бы существенным образом помешать приверженцам религии Пророка исполнять один из важнейших его заветов.

Примечания

1. Именной, объявленный Сенату военным министром – Об образовании Туркестанской области. 12 февраля 1865 года // ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. СПб., 1867. № 41792. С. 184.
2. Свод законов Российской империи. Т. 1. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 1. Основные законы и учреждения государственные. СПб., 1833. С. 17.
3. См.: *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.) / Д.Ю. Арапов. М., 2004; *Климович Л.И.* Ислам в царской России / Л.И. Климович. М. – Л., 1936; *Ланда Р.Г.* Ислам в истории России / Р.Г. Ланда. М., 1995; *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане. 1865–1917. По архивным материалам / П.П. Литвинов. Елец, 1998; *Фаизов Г.Б.* Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье / Г.Б. Фаизов. Уфа, 1995 и др.
4. См. напр.: *Curzon G.N.* Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian question. London, 1889; *Gladstone W.E.* Bulgarian Horrors and Russia in Turkestan with her tracts. Leipzig, 1876; *Krausse A.* Russia in Asia. A Record and a Study. 1558–1899. London, 1900; *Central Asia. A century of Russian rule.* Ed. by E. Allworth. Columbia Univ. Press, New York-London, 1867; *D’Ancausse C.H.* Islam in the Russian Empire. London, 1988; *Frank, Allen J.* Muslim Religious Institutions in Imperial Russia. Leiden-Boston-Koln, 2001.
5. См.: *Литвинов В.П.* Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана: эпоха нового времени / В.П. Литвинов. Елец: ЕГУ, 2006. 311 с.
6. Цит. по: *Литвинов В.П.* Указ. соч. С. 149.
7. *Литвинов В.П.* Основные пути паломничества мусульман Туркестана / В.П. Литвинов // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Ф. Калайдовича: сб. материалов. Вып. 2. Елец: ЕГУ, 1999. С. 28–30.
8. Цит. по: Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика. М., 2001. С. 120.
9. Там же. С. 119.
10. См.: Высочайше утвержденное Положение Комитета министров – О воспрещении принимать дервишей в подданство России. 17 февраля 1836 года // ПСЗРИ-2. Т. 11. Отд. 1. СПб., 1837. № 8881. С. 133–134.
11. См. напр.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета – Положение об управлении Туркестанским краем. 12 июня 1886 года // ПСЗРИ-3. Т. 6. СПб., 1888. № 3814. С. 321.
12. Полный образец такого “открытого листа” см.: *Литвинов В.П.* Внерегиональное паломничество мусульман Туркестана... С. 156.
13. *Наливкин В.П.* Туземцы раньше и теперь / В.П. Наливкин. Ташкент, 1913. С. 96.
14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. И-1282 (Канцелярия министра внутренних дел). Оп. 32. Д. 189 – Дело по отношению Главного штаба о необходимости установления в Туркестанском крае особого порядка снабжения заграничными паспортами. Л. 9, об.
15. В дореволюционный период в России столицу Османской империи никогда не называли “Стамбулом”, а только – Константинополем – прим. авт.
16. РГИА. Ф. И-1291 (Земский отдел МВД). Оп. 82. Д. 2 – Дело о непуске иностранцев в Туркестанский край. Л.11–11, об.
17. См.: *Литвинов В.П.* Хадж мусульман Туркестана: медицинский аспект / В.П. Литвинов //

- Вестник Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. Серия: история, право. Вып. 1. Елец, 2002. С. 106–116.
18. См.: Высочайше утвержденное Мнение Государственного совета “Об утверждении правил для паломников”. 8 июня 1903 года // ПСЗРИ-3. Т. 23. Отд. 1. СПб., 1905. № 23108. С. 689–690;
- см. также: Ислам в Российской империи... С. 260–261.
19. Свод законов Российской империи (СЗРИ) – Устав о паспортах, приложение к статье 187-й. Т. 14. М., 1910. С. 55.
20. См. Свод узаконений и распоряжений Правительства, издаваемых при Правительствующем Сенате. СПб., 1909. № 1712.